

УЛЬЯНА ВЕРИНА

Белорусский государственный университет,
Филологический факультет

**«Я ЧАСТО ЗАБЫВАЮ, КТО Я, РЕБЕНОК ИЛИ СТАРИК...»:
МЕТАФОРЫ ВОЗРАСТА В ПОЭЗИИ
ВЕНИАМИНА БЛАЖЕННОГО**

“I often forget who I am, a child or an old man...”: metaphors of age in the poetry of Veniamin Blazhennyj

The poetry of Veniamin Blazhennyj (1921—1999) created bright image of the lyrical hero: an old man, a beggar, a tramp and Eternal Boy. This image is central in the book “Co-crucifix” (1995, 2009). We explored the archives of the poet (the first notebooks of 1940-1941, the last notebook of 1999), the book of poems of last years “Mine eyes” (2005) and noted the persistence of age of the hero. The image of an old man emerged in the early poems when the poet was young, and in final years Veniamin Blazhennyj identified lyrical “I” with the old man-child. Thus, his hero retained the signs of one age for more than half a century, the other stages of life were “missing”.

Keywords: Veniamin Blazhennyj, metaphors of age, lyrical hero, lyrical “I”, book of poems, archival notebooks

Поэзии Вениамина Блаженного в целом свойственно постоянство тем и мотивов, их сравнительно ограниченное число (здесь он близок прежде всего Ф. Тютчеву и О. Мандельштаму, поэзия которых может быть представлена как совокупность пересекающихся тематических «гнезд»). Очень трудно нащупать линию творческой эволюции В. Блаженного и какую-либо хронологию изменения его мировоззрения и стиля. На данный момент его поэзию невозможно охватить целиком: кроме книги *Сораспятые*, она мало и, можно сказать, пристрастно, издавалась, архив поэта огромен, мы попытаемся наметить хотя бы один ориентир, включив материал ранних тетрадей поэта 1940—1941 гг. последней 16-й тетради 1999 г. Кроме того, несмотря на постоянство тем и мотивов, В. Блаженный противоречив: это особенно заметно в его любовных и религиозных стихах, где пафос колеблется от самоумаления до «одического восторга» и лирической

инвективы, которые, если следовать типологии лирических жанров, предложенной В. И. Тюпой, противоположны, поскольку «я» находится на «ценностной позиции» верха и низа соответственно. Однако сходство их в том, что «ода с инвективой – в отличие от баллады, например, – не знают вопросительной тональности (даже если в тексте встречаются «риторические вопросы»); хвала и хула ни о чем не вопрошают – они уверенно утверждают некие позитивные или отвергают негативные ценности» (Тюпа 2012, 18). В поэтике В. Блаженного это очень заметная черта, она сразу привлекла к себе внимание всех, кто читал и слушал его стихи, даже когда они еще не издавались. Для более широкой публики это свойство стало очевидно, когда Д. Кузьмин собрал и издал книгу *Моими очами* (библиотека журнала «Воздух», 2005 г., 64), и об этом мы скажем отдельно.

Принимая во внимание свойства постоянства и противоречивости, было бы интересно проследить на примерах стихов разных лет, как и почему В. Блаженный так часто использовал метафоры старости, как они оказались связанными с образами детства, в каких мотивах они выступают вместе и почему понятия юности и зрелости воспринимаются как несвойственные поэтике В. Блаженного. Некоторые ответы, на наш взгляд, лежат на поверхности.

Вениамин Блаженный стал публиковаться поздно, когда поэту было уже 60, и вошел в литературу как автор зрелых философских и религиозных стихотворений, т.е. сразу как Мудрый Старец. В Минске он стал Учителем, к нему приходили и приезжали молодые люди в поисках творческого общения, которое, надо сказать, было весьма своеобразным: по воспоминаниям Любви Турбиной, Вениамин Михайлович в основном читал свои стихи, а чужих стихов не слушал. За годы неизвестности и затворничества он стал настоящим знатоком русской поэзии, приобрел свои ни на кого не похожие убеждения – и это, безусловно, привлекало молодых, жаждавших учительского слова. Музыкант Юрий Шевчук был в числе тех, кто относился к Блаженному как Мудрому Старцу, и благодаря его усилиям в 1995 г. была опубликована книга поэта *Сораспятые* (с опечатками, но без правок, так, как ее собрал автор) и был снят документальный фильм о нем, где пожилой поэт и молодой музыкант беседуют в квартире Блаженного. Этот фильм во многом способствовал утверждению образа Мудрого Старца, а также воспроизводил действительный, не постановочный характер подобного рода общения: Блаженный около

20 лет не покидал своей квартиры, и всегда приходили за разговором к нему.

Это очевидные ответы, а вопросы, касающиеся поэтики, рассмотрим на примере книги *Сораспяты*, ранних опытов 1940–1941 гг. и книги *Моими очами*. Такая последовательность обусловлена желанием показать, как образ Мудрого Старца был сформирован в прижизненной книге, когда и как он сложился, какие противоречия демонстрирует публикация стихов последних лет.

Книга *Сораспяты*, собранная самим поэтом задолго до издания, открывается стихотворением, в котором есть такие слова: «Вот и стали, Господь, мы с тобой стариками...», что в теперешнем понимании пути Вениамина Блаженного в литературу подчеркивает позднее появление книги, когда поэт подводит итоги, и в таком ключе воспринимается ее совокупное содержание. Далее одно за другим следуют стихотворения, в которых «я» – это всегда старик, и датировка, проставленная автором, при этом не имеет никакого значения. В стихотворении 1965 г. (поэту В. Блаженному 44 года) читаем: «Последнюю душу живу-изживаю на свете...», «Так долго я брел по земле...» (Блаженный 2009, 19), в стихотворении 1971 г. (поэту 49 лет): «...стар я и сед, как труха», «устал я в пути», «умираю и стар и безгрешен» (Блаженный 2009, 23–24). То же – в стихотворениях 1980-х гг.: «А вот и сам стою я под церковным сводом, / И стар, и благостен, и сед...» (Блаженный 2009, 52), «Разыщите меня – нищеврода, слепца, старика» (Блаженный 2009, 53), «Господь, седой, как лунь, сидел на белом троне, / А я, седой старик, скитался на земле...» (Блаженный 2009, 74). В начале книги из многих стихотворений, многократно повторенный, составлен образ лирического героя – старика, нищего, бродяги. Это символический образ, не связанный с представлением о человеческом возрасте, об этапе жизни. В этом образе поэту важны черты мудрости, независимости от материальной стороны жизни и от жизни вообще, о которой говорится в прошедшем времени или как о сне, «были-небылице» (Блаженный 2009, 29). Заметной чертой этого образа выступает немощность. Думается, что это важно, поскольку такой герой – не участник жизни, не способный что-то сделать, изменить, – дальше всего отстоит от мирской суеты. Немощность также близка и самоумалению, которое выражено во многих стихах. Частые «я»-образы – «воробушек», «птенчик»: в начале *Сораспяты* собрано несколько таких стихотворений

подряд, затем «птенчик» часто появляется в стихах о матери, которая в загробном мире представляется поэту птицей.

В поэзии Блаженного целый ряд стихотворений посвящен отцу, матери, несколько – погибшему брату, и все они формируют образ детства в свете воспоминаний о нем. Это один из аспектов, в котором старость и детство оказываются объединены: в этих стихах герой – одновременно старец и маленький мальчик. Здесь важнее «черты духовного облика» (Алешка 2012, 34), художественная, а не реальная биографическая родословная. Ребенок в этих стихах – слабое, покинутое родителями существо, и нельзя не заметить, что, создавая этот образ, В. Блаженный выбирает те же черты, что и для образа старика. Это один человек, точнее, один герой.

В книгу *Сораспяты* вошли два стихотворения, озаглавленные *Вечный Мальчик* – 1963 и 1987 гг. В первом герой вспоминает о матери из смерти: «После смерти можно молвить: – Мама!..» (Блаженный 2009, 268). Вечный Мальчик – бывший и вечный ребенок, его детство – это потерянный рай: «Все из детства. Все из доброй были, / Где друг друга души не страшат...» (Блаженный 2009, 268). Это стихотворение датировано 1963 г. Вечный Мальчик второго стихотворения, написанного в 1987 г., двадцать четыре года спустя, тоже вспоминает о детстве как рае: «...Я тоже был резов, / И в колпаке шута носился вскачь по полю, / Каких-то райских птиц меня тревожил зов» (Блаженный 2009, 378). Стихотворений с таким названием В. Блаженным было написано значительно больше. В поисках генезиса этого образа мы обратились к архиву поэта, к его первой тетради.

Сразу обнаружилось, что в поэзию В. Блаженного образы детства и старости вошли одновременно в 1940 г. (Этим годом датируются самые ранние известные на данный момент стихотворения), и получается, что в такой связи, которая лишь становилась более тесной, оставались на протяжении более полувека – до последних стихов 1999 г. Образы старика и нищего возникли в самых первых стихах молодого поэта, вначале как персонажи (о нищем говорится в третьем лице), но одно за другим стихотворения *Мученик*, *Бродяжье*, *Блаженный* (этот образ, ставший впоследствии псевдонимом поэта, также будет вдохновлять его на протяжении более полувека), *Праведник* формируют черты будущего лирического героя. Заглавие, которое поэт дал своей тетради 1940–1941 гг. *Ищу душу*, приобретает смысл поиска своей будущей роли, которые он будто примеряет одну

за другой. И уже в первых стихах 19-летнего поэта есть и такое «я»: «Пришла б ты ко мне, дорогая Муза! / И немощен я, твой жених, и стар».

А самое первое стихотворение в этой первой тетради озаглавлено *Вечный мальчик*. По архивным тетрадам можно установить, что последнее стихотворение с таким заглавием датируется 19 мая 1999 г. Поэт умер в ночь с 30 на 31 мая этого года, т. е. образ Вечного Мальчика В. Блаженный пронес через жизнь. Самое первое стихотворение ни по стилистике, ни по образности не похоже на те, что вошли в *Сораспяты*. Оно написано в соответствии с романтическим представлением о герое, противопоставленном миру. Возможно, каждое осознание себя как творческой личности начинается именно с этого:

Мне глупо, мне неловко,
Мне пошло среди людей...
Я — певчая уловка
Далеких лебедей (*Вечный мальчик* 1940, тетрадь 1)¹.

Интересно, что следующие стихотворения таковы: *Старик*, *Смерть*, снова *Вечный мальчик*, *Судьба нищего*, где, по-видимому, впервые возникает образ Христа; затем стихотворение без названия, по первой строчке — *Я — горю...*, это стихотворная молитва; затем еще раз *Вечный Мальчик* («Мальчик» уже с прописной буквы, этот образ явно приобретает надличное значение); затем *Знал ли я детство когда-нибудь?..* — трехкатренное стихотворение традиционной композиционной структуры, в которой первые строки задают развитие и завершение темы («Знал ли я детство когда-нибудь?..», «Знал ли я юность когда-нибудь?..», «Знал ли я радость когда-нибудь?..»). Только в 1940 г. «Вечных Мальчиков» будет написано еще три, кроме того, одно стихотворение озаглавлено *Вечный Ребенок*, одно — *Мальчик*, и параллельно возникнет ряд стихотворений, озаглавленных *Блаженный*.

Одна тема вошла в поэзию В. Блаженного сразу, объединив собой все начинающие формироваться «я-образы» (нищий, бродяга, Вечный Мальчик, Блаженный, поэт), — это тема смерти. Из 75

---

¹ Неопубликованные стихотворения мы цитируем по тетрадам поэта, которые хранятся в Минске у Д. Строцева. Все они датированы и озаглавлены самим В. Блаженным.

стихотворений 1940 г., доступных в архиве, мотивы смерти присутствуют в 47, это более половины.

Образ Вечного Мальчика соединяется с мотивом смерти в ранних стихах как бы на наших глазах, если читать стихи последовательно. Так, в тетради 1940—1941 гг. есть несколько стихотворений о смерти ребенка, в их числе – *Вечный Ребенок* (1940). А в 1941 г. В. Блаженный пишет стихотворение *Жених Смерти* и в скобках дает еще одно заглавие – *Вечный Мальчик*. Так в его поэзии оказались объединены детство и смерть.

Старость как порог жизни, как этап, предшествующий смерти, трактуется в ранних стихах В. Блаженного достаточно редко. Собственно, и смерть рисуется преимущественно как избавление от пошлой повседневности, от оков «земного бытия», от одиночества во враждебном мире, т.е. в романтическом ключе. Поэта с самого начала интересовал художественный потенциал образа старости, его способность символизировать мудрость и быть метафорой немочи. Но и юность уже в ранних стихах осмысливается как что-то прошедшее. И совсем немного стихотворений, где она вообще упоминается.

Интересно в этом смысле раннее стихотворение *Старик*, в котором присутствуют все этапы человеческой жизни: детство, юность, зрелость, старость, но в своеобразной последовательности и трактовке. Детство – время, с которого всё начинается, и первые строки стихотворения таковы: «Все мы в детстве были великанами, / Выросли – и стали стариками...», – т. е. все остальные периоды жизни просто пропущены. Однако далее возникнет и юность – как время давно прошедшее, поскольку об этом судит уже старик, и говорит о юности в высоком ключе восторга: «А чего-то хочется беспечного, / Юного, почти что небывалого. / Вправду ли, друзья мои, о, вправду ли / Юношеский брили мы пушок?.. // Юность! Ты как песня недопетая. / Юность! Ты как груди у красавицы...». А вот образ, который можно считать принадлежащим поре зрелости, по своему примечателен: «...Что через мгновенье наполняется / *Скучным* материнским молоком» (курсив наш. – У. В.). О зрелости во второй строфе говорилось как о времени греха («Крематорий ждет нас как прощение / В зрелости содеянных грехов»). «Скучное материнское молоко» и грехи – таковы приметы «взрослой» жизни.

Кроме стихотворения, в котором звучит вопрос «Знал ли я юность когда-нибудь?..», этот период жизни упоминается всего

несколько раз – в составе метафор «неуживчивая юность» и «ошибки юности». Зрелость же более ни разу. Это будет характерно и поэзии позднего В. Блаженного. Зрелость как время состоявшейся судьбы, достижений и признания, в том числе творческого, действительно выпало из биографии поэта. И эта стадия жизни не интересовала его как объект художественной рефлексии.

В одном из стихотворений, включенных в *Сораспяты*, единство всех этапов жизни отражено с большой выразительностью. В. Блаженный придает фразеологическому сочетанию «молоко на губах не обсохло», обозначающему молодость, прямое значение; в каждой строфе говорится о взрослении героя и в каждой – о том, что остается неизменным:

...Оно не обсохло, когда я подростком
Бродил, не боялся ни лиха, ни худа...

Оно не обсохло, когда я впервые
Притронулся к тайне поспешной телесной...

Оно не обсохло и позже, когда я,
Уже пожилой и уже поседевший...

(Блаженный 2009, 273).

Заключительные строфы переводят лирическое повествование в план настоящего времени:

...Зима на пороге, сию стариком я,
Душа изжитая от стужи продрогла,
А все на губах моих привкус знакомый,
А все молоко на губах не обсохло

(Блаженный 2009, 273).

И в финале читаем уже знакомую связку мотивов и образов: мама-птица, мальчик-птенчик и он же старик, – и всё это под знаком самоумаления:

– Ах, мама, – я ей говорю без упрёка,
А сам становлюсь все невзрачней и меньше, –
Еще молоко на губах не обсохло,
Еще я твой мальчик, еще я твой птенчик...

(Блаженный 2009, 273).

Это стихотворение примечательно еще и тем, что молодость (зрелость здесь снова пропущена) поэт соотносит со временем любви, точнее, познания женщины. Но и в любовной теме В. Блаженный удивительно противоречив и постоянен: он писал любовные и эротические стихи и в 1940-х, и в 1990-х гг. В ранних же есть примечательное стихотворение *Магнетизм* (1941), в котором лирический герой краснеет при виде женщин «как мальчишка», затем говорит о себе «мальчик», а завершается стихотворение так: «И бедра афродит подрагивают так, / Как будто дух *мужчин* ноздрею влажной чуют...» (курсив наш. – У. В.). «Мужчины» во множественном числе – так сказать можно, не причисляя себя к ним, и в то же время сама ситуация может подсказывать, что «афродиты» чуют «мужской дух» в самом герое.

Образы детства в стихах 1940–1941 гг. окрашены светло, положительно: «детский порыв», «свежесть детства», «святы дети», «детские беспечные чудодейства», «ласковый ребенок». Все эти качества, собранные вместе, делают детство синонимом чистой человечности, к сожалению, утраченной:

Обвить ручонками собаку
И, детский миг увековечив,
О вечной жалости заплакать,
О сердце добром – человечьем
(*Вечный мальчик* («С такой собака смотрит
болью...»), 1941, тетрадь 1).

В стихах первой тетради детство также трактуется как утраченный рай, заставляя сожалеть о невозвратном: «О, детство, где ты?», «Если бы детское тело / Боли моей вернуть!». В этом же ряду такое сравнение: «душа далекая, как детство» (*Душа*). В. Блаженный наследует традиции видеть в ребенке существо, приближенное к Богу («Господнее дитя», «Бог водил всемогущий / Ребенка слабого рукой»), беспомощное, слабое маленькое создание в мире, где царят жестокость и смерть. В 1941 г., находясь в эвакуации в Богородске, В. Блаженный пишет ряд стихотворений о войне. Они вошли во вторую тетрадь *Кровь на алтаре*. Эти стихи еще не публиковались, хотя представляют несомненный интерес. Одно из них он озаглавил *Вечный Мальчик*, и здесь самоумаление – особенно выразительный прием, поскольку отражает ничтожество человека в страшной войне: «Я – крошка непрожеванных / Святым Отцом – временем...», «...Я –

песня одиночества, / Мельчайший светлячок» (*Вечный Мальчик* («Бия себя торжественно...»), 1941). И в таких обстоятельствах вполне естественно ощущение себя ребенком:

Пожаров траурная копоть,
Скопление трупов и вагонов...
Меня несет горячий топот,
Я затерявшийся ребенок...

(*Война! Сжимаясь в чутком плаче...*, 1941,
тетрадь 2 *Кровь на алтаре*).

Когда образ детства соединяется со смертью, злобой, русская литературная традиция заставляет ожидать отголоска «жесточкого» гуманизма Ф. М. Достоевского. Иногда он ясно читается в строках В. Блаженного: «...Младенца хрустнувшая кость – / Дороже истины...». А в некоторых авторских контекстах детство и смерть соединяются словно бы без сожаления:

...Это свежий скончался ребенок,
Захлебнувшись прощальной фразой,
И на небе закатном – пеленок
Окровавленных – детство размазал...

(*Вечный Ребенок*).

Или в таком, например, сравнении: «...Воет ветер, воют псы, / Как ребенок годовалый» (*Отрывок*).

О старости с оттенком кощунства сказано в стихотворении 1940 г. *Когда я стану старичком*. Здесь бессильная старость, однако, служит своеобразным образцом для лирического «я»: «...и он, / И я таким явлением закончу: // Произнесу у всех <я> на виду / Ругательство, что в старости невинно, / И к Господу поспешно отойду / С шипением, как лопнувшая шина».

Эти первые, едва уловимые, ноты непочтительности, переросли в масштабные противоречия, которые дают возможность читателю (составителю, издателю) собрать *своего* В. Блаженного: Мудрого Старца, Вечного Мальчика, трепещущего перед силой жизни, смерти, «боженьки», или ненавистника рода людского и Бога-бандита:

Никому не прощаю обид,
Как бы ни был обидчик мой дик...

Если Бог мои зубы дробит,
Я скажу: «Ты не Бог, а бандит»
(Блаженный 2005).

Именно такого В. Блаженного представил читающей публике Д. Кузьмин в книге 2005 г. В стихах последних лет часто слышна интонация итога, преобладают мотивы старости и смерти, как и в поэзии В. Блаженного в целом. Составитель открыл и завершил сборник перекликающимися стихотворениями, в которых герой-старец благообразен и добр, – таков, каким он был в *Сораспятье*: «Уже я так стар, что меня узнают на кладби́ще / Какие-то ветхие птицы времён Иоанна...». Заключительные строки инициального стихотворения: «...А значит, и я не старик, а беспечный прохожий», – откликаются в последнем стихотворении, где поэт прощается с миром:

Ну что я могу вам сказать на прощанье,
Старик сумасшедший, прохожий чудак?..
Глядите на кошек моими очами,
Моими руками ласкайте собак
(Блаженный 2005).

Но в небольшом по объёму сборнике нельзя не заметить резких, откровенно бунтарских стихов – таких, которые писались В. Блаженным не только в последние годы, но на протяжении всего творческого пути, однако не включались редакторами в подборки и книги, а также не вошли и в собранное автором *Сораспятье*. Книга *Моими очами* конструирует альтернативное представление о поэзии В. Блаженного – альтернативное тому, что уже успело сложиться в читательской и научной среде, где В. Блаженный получил признание как поэт-мыслитель, богоискатель, Мудрый Старец. За 59 лет им было написано немало произведений совершенно в другом ключе: без всякого уважения к «высоким» темам, к поэтическому языку, к «почтенной» тематике и образности, в числе которых Бог, смерть, старость, дети, женщина, поэт. В книге *Моими очами*, пожалуй, впервые был опубликован *такой* В. Блаженный. В некоторых стихотворениях эта двуплановость высказана самим поэтом:

...И в облаченье грозных гроз мифическом
Сойду я в рай и в ад попеременно

С лицом своим возвышенно-скептическим
Полупомешанного джентльмена

(Напомню о своих обидах Господу...).

Живой или мёртвый – какая мне разница,
Кого оттолкну я своими руками,
Когда и живые и мёртвые дразнятся,
Трясут окровавленными языками... <...>

Какая мне разница – знак на обочине
Растёт – или роза в оранжерее,
Когда и растения неразговорчивы,
А те, что с шипами, – совсем озверели...

(Живой или мёртвый – какая мне разница...)

(Блаженный 2005).

Написанные одним поэтом (даже с использованием одной
и той же рифмопары), но словно разными людьми, кажутся стихо-
творения о детях:

И все – о смерти, все – о смерти,
И все долдонят, все талдычат,
И за своею смертью дети
Следят в углах, как за добычей.

Следят с каким-то вождельем,
Следят с весёлостью беспечной
И всем цветущим поколеньем
Идут, приплясывая, в вечность.

Они резвятся понарошку,
Как будто шествуют за славою,
И, как распятые, держат кошку,
Ещё живую, но кровавую.

***

Притвориться мёртвым понарошку –
И тогда в неведомом лесу
Я однажды повстречаю кошку,
Дикую беспечную красу.

И глазами добрыми ребёнка
Я втянусь в потешную игру:

Эта кошка будет тонкой-тонкой,
Словно лист древесный на ветру...
(Блаженный 2005).

Пожалуй, наиболее резкое стихотворение о детях, которое написал В. Блаженный, доводит до предела ненависть ко всему людскому роду:

Это самая страшная тайна на свете
И она нестерпима для доброго взгляда:
Из греховных глубин появляются дети,
Появляются злобные выходцы ада.

Появляются дети – убийцы и воры,
Сутенёры, картёжники и наркоманы, –
И пылают мамаш восхищённые взоры,
И папаши от радости бьют в барабаны...
(Блаженный 2005).

Подобные стихотворения, появившиеся, подчеркнем еще раз, не только в последние годы, позволяют, на наш взгляд, говорить о том, что в них и воплотилась бунтующая молодость. Не та, о которой вспоминает Мудрый Старец, а та, которая всегда была с ним, как и детство, и старость.

В. Блаженный, по всей видимости, не предполагал публиковать свои самые «хулиганские» стихи. Он создал свой личный миф, свой образ, в котором всезнающая старость соединена с наивным детством, и ничто житейское, мирское, против чего бунтует молодость, не может его даже коснуться:

Был доселе я старенький мальчик,
А теперь превращен в чудеса.
Голова моя, как одуванчик,
Осыпает свой пух в небеса
(Смерть, сорви с головы моей шляпу..., 1984,
тетрадь 8 Единоборство).

Поэт не мог не чувствовать, что этот миф уже не нужен ему, когда пришла настоящая старость, немочь и одиночество. И в последний год жизни В. Блаженный писал о молодости и детстве не как о воспоминаниях, а как о своем настоящем: «...И еще я так

молод, что всех я моложе на свете». Долгая жизнь снова воплотилась в метафоре одного возраста, но не старости, а детства:

Мне сегодня исполнилось семьдесят семь – или это
Кто-то выдумал возраст трухлявого старого пня
И его навязал бесконечному детству поэта –
Заточил в эти годы беспомощного меня?..

(1999, тетрадь 16 *Смертная память*).

ЛИТЕРАТУРА:

Алешка Татьяна: «Родословная» *Вениамина Блаженного: поэзия и жизнь*, в: *По ступеням света*. Сборник статей. Минск 2012, с. 26–35.

Блаженный Вениамин: *Моими очами. Стихи последних лет*. Москва 2005.
URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/blazhenny2.html>.

Блаженный Вениамин: *Сораспяты*. Москва 2009.

Тюпа Валерий: *Генеалогия лирических жанров*, “Известия Южного федерального университета”, сер. Филологические науки 2012, № 4, с. 8–31.